

УДК 811.161.1'255.2=512.157:340.14

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-2-59-71>*Оригинальная научная статья*

Морфологические трансформации при русско-якутском переводе судебных решений

Л. Е. Манчурина, Т. Н. Уваровская*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉*manchurinale@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются морфологические трансформации, возникающие при переводе судебных решений с русского языка на якутский. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания переводческих соответствий в сфере судебного дискурса, который до настоящего времени остаётся недостаточно изученным в паре языков «русский – якутский». Цель работы – выявление закономерных и контекстуальных соответствий морфологических трансформаций на материале аутентичных текстов судебных решений. Материалом исследования послужили оригинальные тексты судебных решений на русском языке и их переводы на якутский язык, прошедшие процедуру обезличивания персональных данных. В ходе исследования применены сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки, структурный и описательный методы. В результате анализа установлены основные типы морфологических трансформаций: замена имени существительного (именем обладания, наречием, глаголом), преобразование отглагольного существительного в причастие (в том числе с послелогом) и деепричастие, изменение падежа и грамматического числа, замена прилагательного существительным. Выявлено, что большинство трансформаций носят обязательный характер, обусловленный типологическими различиями между аналитическим строем русского языка и агглютинативным строем якутского языка. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования систематизированного описания трансформаций и представленных переводческих образцов в работе практикующих переводчиков, в процессе унификации юридической терминологии на якутском языке, а также в учебных курсах по теории и практике перевода.

Ключевые слова: переводческие трансформации, морфологические трансформации, русско-якутский перевод, судебные решения, юридический дискурс, официально-деловой стиль, грамматические замены, падежная система, замена частей речи, отглагольные существительные

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Манчурина Л. Е., Уваровская Т. Н. Морфологические трансформации при русско-якутском переводе судебных решений. *Алтаистика. Altaistics*. 2026, № 2 (21), С. 59-71. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-2-59-71>

Original article

Morphological transformations in Russian-Yakut translation of court decisions

Lydiya E. Manchurina, Tuyara N. Uvarovskaya*

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉*manchurinale@mail.ru

Abstract

The article examines morphological transformations that arise in the translation of court decisions from Russian into Yakut. The relevance of the study is determined by the need for a systematic description of translation correspondences in the sphere of judicial discourse, which remains insufficiently studied in the

Russian-Yakut language pair. The aim of the work is to identify regular and contextual correspondences of morphological transformations based on authentic texts of court decisions. The research material comprises original court decisions in Russian and their translations into Yakut, which underwent a procedure of personal data anonymization. The research employed the comparative method, continuous sampling method, structural and descriptive methods. The analysis identified the main types of morphological transformations: substitution of a noun (by a possessive form, adverb, verb), transformation of a verbal noun into a participle (including with a postposition) and gerund, changes in case and grammatical number, substitution of an adjective by a noun. It was revealed that most transformations are obligatory in nature, due to typological differences between the analytical structure of the Russian language and the agglutinative structure of the Yakut language. The practical significance of the study lies in the possibility of using the systematized description of transformations and the presented translation samples in the work of practicing translators, in the process of unifying legal terminology in the Yakut language, as well as in training courses on translation theory and practice.

Keywords: translation transformations, morphological transformations, Russian-Yakut translation, court decisions, legal discourse, official business style, grammatical substitutions, case system, substitution of parts of speech, verbal nouns

Funding: The study had not financial support.

For citation: Manchurina L.E., Uvarovskaya T.N. Morphological transformations in Russian-Yakut translation of court decisions. *Altaistics*. 2026, No 2 (21), Pp. 59-71. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-2-59-71>

Введение

В современной правовой системе судопроизводство выступает одной из ключевых сфер, в которой якутский язык функционирует наравне с русским. Данная практика имеет прочную законодательную основу. Согласно ст. 26 Конституции РФ, за каждым гражданином закрепляется «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества»¹; кроме того, «Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации»². Федеральный закон от 25 октября 1991 года «О языках народов Российской Федерации» (ст. 18) предоставляет судам общей юрисдикции, расположенным на территории республики, право осуществлять судопроизводство и делопроизводство на государственном языке данной республики³. Аналогичное право распространяется на мировые суды и правоохранительные органы, которые также могут вести делопроизводство как на русском, так и на государственном языке республики. Законодательство гарантирует участникам процесса возможность выступать на родном языке и при необходимости прибегать к помощи переводчика. В соответствии со ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, уголовное судопроизводство может осуществляться на государственных языках республик, а процессуальные документы подлежат переводу на язык, доступный участникам⁴. Аналогичные положения закреплены в нормативных правовых актах Республики Саха (Якутия)⁵.

Перевод в судебной сфере отличается повышенной сложностью, поскольку переводчик должен свободно владеть обширным пластом лексики, охватывающей как

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.

² Там же, ст. 68

³ Закон РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 N 1807-1 (последняя редакция)

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018), ст. 18.

⁵ Закон РС (Я) «О языках в Республике Саха (Якутия)» от 16 октября 1992 года N 1170-XII, последняя редакция от 16.12.2024 г. № 2801-3 № 277-VII

узкоспециализированную юридическую терминологию, так и современную разговорную речь. При этом судебный перевод нередко выполняется в условиях жесткого временного лимита и психологически напряженной атмосферы.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами. Во-первых, несмотря на наличие законодательно закреплённой возможности использования якутского языка в судопроизводстве, теоретическое осмысление практики русско-якутского судебного перевода остаётся недостаточно разработанным. Во-вторых, существующие исследования в области русско-якутского перевода преимущественно касаются художественных, публицистических или общенаучных текстов, тогда как судебный дискурс, обладающий жанрово-стилистической спецификой, изучен фрагментарно. В-третьих, выявленная в ходе анализа вариативность перевода юридических терминов и необходимость унификации переводческих решений требуют системного описания морфологических трансформаций, регулярно применяемых при переводе судебных решений. В-четвертых, практическая потребность в качественном судебном переводе, обеспечивающем равноправие сторон и доступ к правосудию на родном языке, определяет значимость выявления закономерных соответствий между русским и якутским языками в данной сфере.

Объект исследования: оригинальные (русский язык) и переводные (якутский язык) тексты судебных решений.

Предмет исследования: способы морфологических трансформаций.

Цель исследования: выявление закономерных и контекстуальных соответствий морфологических трансформаций при русско-якутском переводе судебных решений и представление переводческих образцов.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблема перевода судебных решений с русского языка на якутский язык находится на стыке нескольких областей знания: теории перевода, юридической лингвистики и терминоведения. Несмотря на длительную историю русско-якутских языковых контактов и наличие законодательно закреплённой практики двуязычного судопроизводства, теоретическое осмысление перевода юридических текстов в паре «русский – якутский языки» остается фрагментарным.

В области общего описания русско-якутских языковых соответствий фундаментальный вклад внесли труды Е. И. Убратовой [1], Л. Н. Харитонова [2], Е. И. Коркиной [3], П. А. Слепцова [4], Г. Г. Филиппова [5] и др., посвященные грамматическому строю якутского языка. Сопоставительное исследование фонетики, лексики и грамматики русского и якутского языков были осуществлены в работах Н. Г. Самсонова [6], Е. Н. Дмитриевой [7], Н. Н. Ефремова, Е. П. Никифоровой [8], которыми были изучены как взаимодействие русского и якутского языков, так и сопоставительные исследования этой языковой пары. Вопросы перевода с русского языка на якутский рассматривались в работах Т. И. Петровой [9], И. В. Собакиной [10], С. В. Ивановой [11], которые анализировали преобразование морфологических форм и категорий при межъязыковой передаче. Диссертационные исследования А. А. Васильевой [12] и Н. С. Атаковой [13] затрагивают отдельные аспекты русско-якутского перевода, однако их внимание сосредоточено преимущественно на художественных и публицистических текстах.

Проблематика перевода юридической терминологии на якутский язык нашла отражение в научных трудах Л. Е. Манчуриной [14, 15], Ю. М. Борисовой [16], А. Л. Жансай [17], Е. С. Андреева [18], которые анализируют способы передачи правовых понятий, выявляют трудности, связанные с отсутствием прямых эквивалентов, и предлагают

отдельные варианты терминологических решений. Вместе с тем, данные работы носят преимущественно терминологический, а не текстуальный характер и не охватывают весь комплекс морфологических трансформаций, регулярно возникающих при переводе целостных судебных решений.

Судебный перевод как особая разновидность юридического перевода в русско-якутском контексте практически не становился объектом специального лингвистического исследования. Отсутствуют работы, в которых на достаточном эмпирическом материале были бы систематизированы и описаны закономерные соответствия между русским и якутским языками на морфологическом уровне именно применительно к жанру судебного решения. Не изучены вопросы о том, какие трансформации носят обязательный характер, а какие – факультативный; не предложены рекомендации по унификации перевода грамматических конструкций юридического текста.

Таким образом, при наличии отдельных исследований, касающихся русско-якутского перевода и якутской юридической терминологии, комплексного, системного описания морфологических трансформаций при переводе судебных решений в лингвистической науке до настоящего времени не представлено. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории частного русско-якутского перевода в сфере судебного дискурса, систематизирует типы морфологических трансформаций, выявляет их обязательный или факультативный характер и определяет системные расхождения между русским и якутским языками в области морфологии. Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в работе практикующих переводчиков, в процессе унификации юридической терминологии на якутском языке, а также в учебных курсах по теории и практике перевода.

Материалы и методы исследования

Практическим материалом являются оригинальные тексты судебных решений на русском языке и их переводы на якутский язык, прошедшие процедуру обезличивания персональных данных. При написании работы использованы сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки, структурный метод, описательный метод.

При классификации переводческих трансформаций морфологических форм и категорий за основу были взяты работы отечественных теоретиков переводоведения В. Н. Комиссарова, Л. С. Бархударова, Н. К. Гарбовского, А. Д. Швейцер, И. С. Алексеевой. Однако при классификации морфологических трансформаций мы исходили из собственного материала исследования, что позволило выделить те типы замен, которые наиболее репрезентативны для русско-якутского перевода судебных решений.

Морфологические трансформации, связанные с заменой имени существительного

Морфологические трансформации выступают в качестве одного из ключевых механизмов обеспечения переводческой эквивалентности и естественности текста перевода в условиях структурной несовместимости контактирующих языков. На морфологическом уровне данные трансформации реализуются преимущественно в виде грамматических замен, при которых грамматическая единица исходного языка (русского) преобразуется в единицу языка перевода (якутского), обладающую иным грамматическим значением.

Морфологические трансформации, связанные с заменой имени существительного:

а) замена русского существительного на конструкцию, выражающую категорию обладания (именная форма с аффиксом -лаах) либо ее морфологически маркированную

оппозицию – конструкцию со словом суох ‘нет’ (отсутствие), например: *буруйдаах* (букв. ‘имеющий вину’) – *буруйа суох* (букв. ‘не имеющий вину’):

также указывает на необоснованность принятого судом решения о его удалении из зала судебного заседания – ‘ону тэнэ кинини суут мунньабын саалатыттан туораты туһунан суут ылыммыт быһаарыта олобо суох буолар диэн ыйар’.

В данном случае грамматическая структура русского предложения трансформируется в якутском тексте с использованием атрибутива обладания/необладания, что служит средством фактической констатации.

Аналогичный механизм морфологической замены наблюдается в конструкции «*выводы суда о виновности Попова С.Ф.*» – «*Попов С.Ф. буруйдаабын туһунан суут түмүктэрэ*», где атрибутивное существительное «виновность» заменяется на атрибутивно-посессивную конструкцию *буруйдаабын* (букв. ‘что он имеет вину’), что соответствует морфологическим нормам якутского языка;

б) замена существительного наречием:

суд первой инстанции оценил, проанализировал все исследованные в суде доказательства, представленные и стороной обвинения, и стороной защиты, в их совокупности – ‘бастакы сүһүөх суута буруйдуур өрүтүнэн да, көмүскүүр өрүтүнэн да бэриллибит, суукка үөрэтиллибит туох баар дакаастабыллары холбуу тутан сыаналаабыт’.

Предложно-падежное сочетание *в их совокупности* преобразовано в наречие *холбуу* (‘совместно, вместе’) с вспомогательным глаголом *тутан* (‘держат’). Смысл передан через признак действия (наречие), а не через статичное именное сочетание. Возможный вариант перевода – словосочетание *дакаастабыллар холбоһуктарын*, однако переводчик избрал конструкцию с наречием, которая отличается меньшей длиной и соответствует нормам якутского юридического дискурса;

в) замена существительного глаголом

Данное явление наблюдается в стандартных оборотах (расщепленных сказуемых) юридического стиля: *наносил побои – кырбаабыт, нанес повреждения – эчэппит, нанес удары – охсуолаабыт*. В русском языке конструкции типа «глагол + отглагольное имя» (*наносил побои, нанес повреждения*) относятся к канцеляритам – устойчивым оборотам официально-делового стиля, которые характеризуются расщеплением предиката на полуснаменательный глагол и именную группу. В якутском языке аналогичные значения передаются одним конкретным глаголом действия (*кырбаабыт, эчэппит, охсуолаабыт*) без расщепления. Прямой перевод (пословный) привел бы к калькированию. Следовательно, при переводе с русского языка на якутский происходит утрата канцелярита как стилистической и структурной особенности русской юридической речи. Данная трансформация соответствует лексико-грамматической конкретизации и синтаксической компрессии. Замена носит обязательный характер, обусловленный системными различиями: русский юридический дискурс тяготеет к аналитическим канцелярским оборотам, тогда как якутский – к синтетическому глагольному выражению действия;

г) преобразование отглагольного существительного в причастие

В русском языке для обозначения процессуального действия, направленного на объект, широко используются отглагольные существительные (*разрешение дела, предоставление переводчика, выяснение обстоятельств*). В якутском языке аналогичное значение чаще передаётся причастными формами, которые, сохраняя глагольную семантику, одновременно выполняют функции, близкие к именным.

С выяснением всех юридически значимых для правильного **разрешения** уголовного дела обстоятельств – ‘холуобунай дьыаланы сөпкө **быһаарарга** юридической өттүнэн суолталаах дакаастабыллары барытын быһаарылары кытта’.

Исходная единица – отглагольное существительное *разрешение* (якут. ‘*быһаары*’). В контексте данное существительное обозначает действие, направленное на объект (дело). Глагол, мотивирующий это существительное, – *разрешать* (якут. ‘*быһаар*’).

При переводе на якутский язык отглагольное существительное *разрешение* (якут. ‘*быһаары*’) заменяется причастием *быһаарарга*. Выбор именно причастной формы объясняется тем, что якутский язык предпочитает передавать действие через форму, производную от глагола, которая одновременно указывает на объект, подвергающийся действию. В данном случае причастие *быһаарарга* является формой основного залога, где действие (*разрешать*) направлено на объект (дело), а сам объект оформляется винительным падежом (‘*дьыаланы*’). Причастие стоит в дательном падеже (-*га*) и единственном числе, что обеспечивает его грамматическое согласование в пределах предложения.

Альтернативный вариант перевода с сохранением существительного – *дьыаланы быһаарыга* – также возможен, однако причастная конструкция является более предпочтительной, поскольку соответствует стилистическим нормам якутского официально-делового дискурса, в котором причастия выполняют функцию, близкую к функции имени существительного, и позволяют избежать нагромождения отглагольных существительных.

Таким образом, преобразование отглагольного существительного в причастие представляет собой грамматическую замену, обусловленную типологическими различиями между русским и якутским языками в способах выражения процессуального значения и направленности действия на объект. В якутском языке причастие в рассмотренных случаях выполняет функцию, близкую к функции имени существительного, что подтверждается его способностью принимать падежные окончания;

д) преобразование отглагольного существительного в причастие с послелогом

В якутском языке причастие может сочетаться с послелогом, что позволяет передавать отношения, которые в русском языке выражаются предложно-падежными конструкциями с отглагольными существительными.

суд обоснованно отказал в удовлетворении ходатайства **об отводе** адвоката – ‘суут адвокаты **туоратар туһунан** хадатаайыстыбаны ылынартан олохтоохтук akkaастаабыт’.

Исходная единица – отглагольное существительное *отвод* (якут. ‘*туораты*’). В контексте данное существительное обозначает действие, направленное на объект (адвоката). Глагол, мотивирующий это существительное, – *отвести* (якут. ‘*туорат*’). При переводе на якутский язык отглагольное существительное *отвод* (*туораты*) заменяется причастием *туоратар* с последующим послелогом *туһунан* («о», «об»). Данная конструкция передаёт значение «об отводе» через форму «отводящий о», что соответствует нормам якутского синтаксиса, где причастия с послелогам являються стандартным способом выражения атрибутивных отношений. Альтернативный вариант с сохранением существительного – *туораты туһунан* – также возможен, однако причастная конструкция является более естественной для якутского языка;

е) замена существительного деепричастием

Данная трансформация обусловлена различиями в грамматическом строе русского и якутского языков, в частности – отсутствием в якутском языке прямого аналога

конструкций с отглагольными существительными в творительном падеже. В русском языке для обозначения сопутствующего действия, образа или способа совершения основного действия широко используются предложно-падежные сочетания «предлог + отглагольное существительное в творительном падеже» (*с соблюдением, с выяснением, с нарушением*). В якутском языке аналогичное значение образа действия передаётся через деепричастия, отвечающие на вопрос «как?» и обозначающие сопутствующее действие.

судебное разбирательство проведено с соблюдением требований уголовно-процессуального закона и выяснением всех юридически значимых для правильного разрешения уголовного дела обстоятельств – ‘суут быһаарсыыта холубунай-процессуальной сокуон ирдэбиллэрин тутуһан уонна холубунай дьыаланы сөпкө быһаарыыга юридической өттүнэн суолталаах туох баар өрүттэри чуолкайдаан ытыллыбыт’.

В данном предложении наблюдаются две трансформации отглагольных существительных в деепричастия.

Первая трансформация: исходная единица – отглагольное существительное *соблюдение* (якут. ‘тутуһуу’). В контексте данное существительное в творительном падеже (*с соблюдением*) обозначает образ действия, сопутствующий основному действию (*проведено*). Глагол, мотивирующий это существительное, – *соблюдать* (якут. ‘тутус’). При переводе на якутский язык отглагольное существительное с предлогом (*с соблюдением*) заменяется деепричастием *тутуһан* (от глагола *тутус* ‘соблюдать’, ‘придерживаться’). Форма *тутуһуунан* (букв. ‘соблюдением’) звучала бы неестественно как калька с русского языка.

Вторая трансформация: исходная единица – отглагольное существительное *выяснение* (якут. ‘чуолкайдааһын’). В контексте данное существительное в творительном падеже (*с выяснением*) также обозначает образ действия, сопутствующий основному действию. Глагол, мотивирующий это существительное, – *выяснять* (якут. ‘чуолкайдаа’). При переводе отглагольное существительное с предлогом (*с выяснением*) заменяется деепричастием *чуолкайдаан* (от глагола *чуолкайдаа* ‘выяснить’, ‘уточнить’). Форма *чуолкайдааһынын* (букв. ‘выяснением’) также звучала бы неестественно как калька.

Таким образом, якутский язык передает значение образа действия через деепричастие, отвечающее на вопрос «как?» – «соблюдая», «выясняя». Вместо существительного с предлогом (*с + творительный падеж*) используется деепричастный оборот, указывающий на сопутствующее действие.

В текстах судебных решений выявлены следующие конструкции переводческих трансформаций, где отглагольное существительное с предлогом заменяется деепричастием:

1) предлог **с** + существительное (творительный падеж) – деепричастие:

с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима – ‘накаастабылы кытаанах эрэсимнээх көннөрөр холуонньаҕа боруостаан’;

2) предлог **на** + существительное (родительный падеж) – деепричастие:

на основании ст. 69 УК РФ – РФ ХК 69 ыст. олобуран;

3) предлог **после** + существительное (родительный падеж) – деепричастие:

после отбывания лишения свободы – ‘көҥүлү быһыыны боруостаан баран’;

4) предлог **из-за** + существительное (родительный падеж) – деепричастие:

отмечает, что из-за непредоставления переводчика он не смог выступить с последним словом – ‘тылбаасчыл бэриллибэтэх буолан кини тийэх тылын кыайан эппэтэх диэн бэлиэтиир’.

ж) изменение падежа существительного: к морфологическому уровню трансформаций при переводе с русского языка на якутский относится изменение падежа существительного.

1) Морфологическая замена «дательный падеж – туохтуу түһүк (винительный падеж)»: *при производстве по уголовному делу – ‘холуобунай дьыаланы ытытыга’*.

Винительный падеж в якутском языке (*дьыаланы*) здесь появляется потому, что слово *дьыала* является прямым дополнением к отглагольному существительному *ытыты* (ведение чего? – дела).

2) Морфологическая замена «творительный падеж – именительный түһүк (винительный падеж)»:

преступление совершено осужденным в г. Якутске – ‘сууттаммыйт буруйу Дьокуускай куоракка онгорбут’.

Выбор пассива (*преступление совершено осужденным*) в судебных актах русского языка обусловлен юридическим стилем. Пассивная конструкция подчеркивает, что событие преступления состоялось, личность же (осужденный) указывается как его источник, но не выводится на первый план грамматически. Дословный перевод с сохранением пассива ‘*буруй сууттаммыйтынан Дьокуускай куоракка онгоһуллубут*’ представляет собой калькирование, нарушающее строй якутского предложения. В якутском языке отсутствует прямой аналог творительного падежа в значении активного субъекта действия. В русском предложении *преступление совершено осужденным* существительное в творительном падеже обозначает действующее лицо при страдательном залоге. В якутском языке страдательный залог заменяется основным: субъект действия ставится в именительном падеже, а глагол принимает активную форму.

При переводе судебных решений с русского языка на якутский фиксируются регулярные замены падежных форм, обусловленные отличием синтаксических функций дательного падежа в русском и якутском языках и различиями в передаче страдательного залога. Установлены два типа замен: дательный падеж русского языка заменяется винительным падежом в якутском; творительный падеж (в значении субъекта действия при пассиве) заменяется именительным падежом с одновременной трансформацией страдательной конструкции в активную. Указанные изменения носят обязательный характер и отражают типологические различия между русским и якутским языками в области падежной системы и залоговых отношений;

з) замена грамматического числа существительного: в случае несовпадения категории числа существительных в исходном языке и языке перевода в переводе используется замена грамматического числа.

В якутском языке форма единственного числа заменяет множественное, если предмет по своей природе является парным. Данные слова обнаружены в тексте приговора:

ударил руками – ‘илиитинэн охсубут’, пнул ногами – ‘атабынан тэппит’.

В обоих случаях русские существительные во множественном числе (*руками, ногами*) передаются формами единственного числа в якутском языке (*илиитинэн, атабынан*), что соответствует норме, согласно которой парные органы тела оформляются в единственном числе [19, с. 53].

В якутском языке форма единственного числа может выражать не один предмет, а отвлеченное понятие [20, с. 40]. Как отмечают исследователи якутского языка, отвлеченное понятие, подобно собирательному понятию, не подлежит разделению на отдельные единицы: *дьол* (‘счастье’), *киг* (‘злость’), *кырыыс* (‘проклятие’) и т.п. Поэтому имя существительное, обозначающее такое понятие, должно стоять в единственном числе

[21, с. 126]. Слово *буруй* в якутском языке относится к данной категории отвлеченных существительных, что обуславливает его употребление в единственном числе даже при обозначении множественности деяний.

В настоящее время, однако, наблюдается расширение практики употребления отвлеченных существительных во множественном числе: *кэккэ ыарахаттары көрсөбүт* ('встречаем ряд **трудностей**'), *ороскуоттар төлөммөт төрүөттэрэ* ('**причины** неуплаты расходов'), *финансовой дисциплиинэни кэһиилэр* ('**нарушения** финансовой дисциплины') и др. Подобные формы, по мнению исследователей, не свойственны природе якутского языка и являются следствием влияния русского языка. П.А. Слепцов отмечает, что такие случаи впервые стали фиксироваться в журнале «Саха сангата»: «тексты содержат слова отвлечённого значения во множественном числе (*кыһалбалар* – **нужды**, *арахсыылар* – **разногласия**, *төрүттэр* – **основания**), представляющие собой особый вид калек» [4, с. 60].

В нашем примере, в словосочетании *по совокупности преступлений* – 'буруйу оноруу холбоһугар' русское существительное *преступления* (множественное число) обозначает несколько отдельных деяний. Якутское *буруйу оноруу* (единственное число) означает «совершение преступления» как род деятельности или процесс в обобщённом смысле. В юридическом термине «по совокупности преступлений» подразумевается не просто перечень различных преступлений, а сам факт их соединения, то есть совершение нескольких деяний как единый юридический случай. Поэтому в переводе на якутский язык используется единственное число для выражения этого объединяющего понятия ('буруйу оноруу'). Перевод словосочетанием *буруйу оноруулар холбоһуктарыгар* грамматически возможен, однако аффикс множественного числа -лар усложнил бы конструкцию и нарушил благозвучие текста; кроме того, лексема *холбоһук* сама по себе передаёт значение множественности. Аналогичный пример: *рецидив преступлений* – 'буруйу хаттаан оноруу';

и) замена прилагательного существительным обусловлена отсутствием прямых лексических эквивалентов некоторых русских прилагательных в якутском языке, а также различиями в грамматическом строе контактирующих языков. В то время как русский язык для обозначения признака использует прилагательные (*материальный, физический, психический*), якутский язык может передавать тот же смысл через имя существительное или сочетание существительного с наречием, часто с использованием парных слов.

находящегося в материальной и иной зависимости от виновного – 'буруйдаахтан **ун-харчы** эбэтэр атын да өттүнэн тутулуктаах'.

Исходная единица – прилагательное *материальной* в составе словосочетания *материальной зависимости*. В русском языке данное прилагательное обозначает признак, относящийся к сфере денежных, имущественных отношений. При переводе на якутский язык прилагательное *материальной* заменяется сочетанием существительного с наречием: *ун-харчы* ('деньги-средства', парное слово) + послелог *өттүнэн* ('со стороны'). Данное сочетание буквально означает 'со стороны денег-средств', что позволяет передать смысл русской конструкции без использования транслитерированного прилагательного *материальной*. Выбор парного слова *ун-харчы* является предпочтительным, поскольку парные слова составляют характерную особенность якутского языка и позволяют избежать заимствования.

за причинение физических и психических страданий – 'эт-сиин уонна уйулба эрэйдэниитигэр тизэрдии иһин'.

Исходные единицы – прилагательные *физических* и *психических* в составе словосочетания *физических и психических страданий*. В русском языке данные прилагательные обозначают признаки, относящиеся соответственно к телу (*физический*) и к душевному состоянию (*психический*). При переводе на якутский язык прилагательное *физических* передается через парное слово *эт-сиин* ('тело-плоть'), а прилагательное *психических* – через существительного *уйулба* ('душа, психика'), к которому присоединяется притяжательная форма существительного *эрэйдэниитигэр* ('к его страданию, мучению'). Таким образом, признак, выраженный в русском языке прилагательными, в якутском языке передается через имена существительные, обозначающие сферу, к которой относится признак (*эт-сиин* – тело, *уйулба* – душа).

Если эквивалент русского прилагательного отсутствует, переводчик анализирует, к чему относится данное прилагательное (*материальному, физическому, психическому* – чему?), и выражает признак через предмет (существительное). Прилагательные русского текста можно было транслитерировать, используя правила прибавления якутских аффиксов к заимствованным русским словам: *материальн+ай, физическ+эй, психическ+эй*. Однако целесообразнее найти лексическую замену в якутском языке. Как видно из примеров, парные слова якутского языка (*эт-сиин* 'тело-плоть', *ун-харчы* 'деньги-средства') выступают аналогами русских прилагательных.

Заключение

Проведенное исследование морфологических трансформаций при русско-якутском переводе судебных решений позволило достичь поставленной цели – выявить закономерные и контекстуальные соответствия морфологических трансформаций и представить переводческие образцы, демонстрирующие системные расхождения между русским и якутским языками в области морфологии.

В результате анализа практического материала были систематизированы основные типы морфологических трансформаций, возникающих при переводе судебных решений с русского языка на якутский: замена существительного именем обладания, наречием и глаголом; преобразование отглагольного существительного в причастие (в том числе с послелогом) и в деепричастие; изменение падежа существительного (замена дательного падежа винительным, замена творительного падежа именительным); замена грамматического числа существительного; замена прилагательного существительным.

Установлено, что большинство выявленных трансформаций носят обязательный характер, что свидетельствует о системных расхождениях между русским и якутским языками. В частности, отличие синтаксических функций дательного падежа в русском и якутском языках обуславливает замену дательного падежа другим падежом; отсутствие прямого аналога отглагольных существительных в творительном падеже требует замены таких конструкций деепричастными оборотами; замена существительного глаголом при переводе расщеплённых сказуемых приводит к утрате канцеляритов, поскольку в якутском языке аналогичные значения передаются однокомпонентными глагольными формами.

Выявленные трансформации отражают фундаментальные типологические различия между русским языком (аналитический строй, развитая система падежей, широкое использование отглагольных существительных) и якутским языком (агглютинативный строй, иная падежная система, предпочтение глагольных форм выражения действия).

Практическая значимость работы заключается в том, что систематизированное описание морфологических трансформаций и представленные переводческие образцы могут быть использованы в работе практикующих переводчиков при переводе судебных

решений, в процессе унификации юридической терминологии и грамматических конструкций на якутском языке, а также в учебных курсах по теории и практике перевода. Результаты исследования могут способствовать повышению качества судебного перевода, что обеспечивает равноправие сторон и доступ к правосудию на родном языке для якутоязычного населения.

Перспективой дальнейших исследований является расширение эмпирической базы за счёт привлечения текстов судебных решений разных жанров (приговоры, апелляционные определения, кассационные постановления) и других видов юридических документов. Представляется важным проведение сопоставительного анализа морфологических трансформаций в разных жанрах судебного дискурса с целью выявления жанрово-специфических закономерностей. Кроме того, необходима дальнейшая разработка практических рекомендаций по унификации перевода грамматических конструкций на якутский язык и создание учебно-методических пособий для судебных переводчиков.

Литература

1. Убрятова Е.И., Ефремов Н.Н., Неустроев Н.Н. и др. *Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2: Синтаксис*. Новосибирск: Наука; 1995:332.
2. Харитонов Л.Н., Дьячковский Н.Д., Иванов С.А. *Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология*. Москва: Наука; 1982:512.
3. Коркина Е.И. *Наклонения глагола в якутском языке*. Москва: Наука; 1970:306.
4. Слепцов П.А. *Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм*. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние; 1986:260.
5. Филиппов Г.Г. *Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2014:606.
6. Самсонов Н.Г. *Два языка – два родника*. Якутск: Бичик; 1993:174.
7. Дмитриева Е.Н. Фонетико-грамматические аспекты сопоставления русского и якутского языков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Якутск, 2002:37.
8. Дмитриева Е.Н., Никифорова Е.П., Ефремов Н.Н. и др. Сравнительно-сопоставительный анализ количества, семантики и типологической характеристики падежей якутского и русского языков. *Современное педагогическое образование*. 2021;(11):286-289.
9. Петрова Т.И. Двухязычие и перевод (к вопросу о лингвистических основах русско-якутского перевода)=Bilingualism and linguistic (foundation of Russian-Yakut translation). *Вестник Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова*. 2005;2(2):118-124.
10. Собакина И.В. Русско-якутский перевод названий учреждений: уровень фонетики, лексики, грамматики. *Алтаистика. Altaistics*. 2021;(1):39-50. DOI: 10.25587/2782-6627-2021-1-39-50
11. Иванова С.В. Роль перевода в формировании официально-делового стиля якутского языка. *Litera*. 2019;(5):79–83. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.5.30515.
12. Васильева А.А. Синтаксические трансформации при переводе с русского языка на якутский: (на примере атрибутивных конструкций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2002:22.
13. Атакова Н.С. Синтаксические трансформации односоставных предложений: (на материале русско-якутского перевода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2007:23.
14. Манчурина Л.Е. Формирование естественно-научной терминологии в переводных учебниках для младших школьников (на материале переводов учебников «Тулалыыр эйгэ»). *Алтаистика. Altaistics*. 2021;1(1):65-76.
15. Манчурина Л.Е., Максимова А.Д. Анализ функциональности переводных терминов на якутском языке. *Алтаистика. Altaistics*. 2024;(4):23-36. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-4-23-36>
16. Борисова Ю.М. *Переводная социально-экономическая терминологическая лексика якутского языка: терминографический аспект*. Новосибирск: СО РАН; 2022:106.
17. Жансай А.Л. Диалектная лексика обычного права якутов. *Юрислингвистика*. 2025;(36):10-15.
18. Андреев Е.С. Донаучная юридическая терминологическая лексика в якутском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016;57(3);2:40-42.

19. Герасимова Е.С. *Категория множественности в функциональных стилях якутского языка: монография*. Якутск: Электронное издательство НБ РС (Я); 2018. <https://nlrs.ru/open/14427>
20. Петрова Т.И. *Ыраастык сахалыы саҥарыах: билинҥи саха тылыгар нуучча тылын сабыдыала*. Дьокуускай: Полиграфист; 1996:117 (на якут.яз.).
21. Убрыатова Е.И., Коркина Е.И., Харитонов Л.Н. и др. *Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология*. Москва: Наука; 1982:495.

References

1. Ubryatova EI., Efremov NN., Neustroev NN., et al. *Grammar of the modern Yakut literary language. V. 2: Syntax*. Novosibirsk: Science; 1995:332 (in Russian).
2. Kharitonov LN., Dyachkovsky ND., Ivanov SA. *Grammar of the modern Yakut literary language. V. 1: Phonetics and morphology*. Moscow: Nauka; 1982:512 (in Russian).
3. Korkina EI. *Verb moods in the Yakut language*. Moscow: Nauka; 1970:306 (in Russian).
4. Sleptsov PA. *Yakut literary language. Origins. Becoming the norm*. Novosibirsk: Nauka, Sibirsk. separation; 1986:260 (in Russian).
5. Filippov GG. *Participles of the Yakut language: a comprehensive typological functional-semantic study*. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2014:606 (in Russian).
6. Samsonov NG. *Two languages – two springs*. Yakutsk: Bichik; 1993:174 (in Russian).
7. Dmitrieva EN. *Phonetic and grammatical aspects of comparison of Russian and Yakut languages: Summary of Doctor's dissertation (Philology)*. Yakutsk, 2002:37 (in Russian).
8. Dmitrieva EN., Nikiforova EP., Efremov NN., et al. Comparative analysis of the quantity, semantics and typological characteristics of cases of the Yakut and Russian languages. *Modern Teacher Education*. 2021;(11):286–289 (in Russian).
9. Petrova TI. Bilingualism and linguistic (foundation of Russian-Yakut translation). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2005;2(2):118–124 (in Russian).
10. Sobakina IV. Russian-Yakut translation of institution names: the level of phonetics, vocabulary, and grammar. *Altaistics*. 2021;(1):39–50 (in Russian). DOI: 10.25587/2782-6627-2021-1-39-50
11. Ivanova S.V. The role of translation in the formation of the official business style of the Yakut language. *Litera*. 2019;(5):79–83 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-8698.2019.5.30515.
12. Vasilyeva AA. Syntactic transformations in translation from Russian into Yakut: (based on attributive constructions): Summary of Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk, 2002:22 (in Russian).
13. Atakova NS. Syntactic transformations of one-member sentences: (based on Russian-Yakut translation): Summary of Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk, 2007:23 (in Russian).
14. Manchurina LE. Formation of natural science terminology in translated textbooks for primary school students (based on translations of the textbooks “Tulalyyr Eige”). *Altaistics*. 2021;1(1):65–76 (in Russian).
15. Manchurina L.E., Maksimova A.D. Analysis of the functionality of translated terms in the Yakut language. *Altaistics*. 2024;(4):23–36 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-4-23-36>
16. Borisova YuM. *Translated socio-economic terminological vocabulary of the Yakut language: terminographic aspect*. Novosibirsk: SB RAS; 2022:106 (in Russian).
17. Zhansai AL. Dialectal vocabulary of Yakut customary law. *Jurislinguistics*. 2025;(36):10–15 (in Russian).
18. Andreev E.S. Pre-scientific legal terminological vocabulary in the Yakut language. *Philology. Theory & Practice*. 2016;57(3);2:40–42 (in Russian).
19. Gerasimova ES. *The Category of Plurality in Functional Styles of the Yakut Language*. Yakutsk: Electronic Publishing House of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia); 2018. Available at: <https://nlrs.ru/open/14427> (in Russian).
20. Petrova TI. *In pure Sakha language: the influence of the Russian language on the modern Yakut language*. Yakutsk: Polygraphist; 1996:117 (in Yakut language).
21. Ubryatova EI., Korkina EI., Kharitonov LN. et al. *Grammar of the modern Yakut literary language. T. 1: Phonetics and Morphology*. Moscow: Nauka; 1982:495 (in Russian).

Сведения об авторах

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент, зав. каф. «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», <https://orcid.org/0000-0003-3160-9399>, ResearcherID: ABC-3111-2020, SPIN-код: 1113-7782, manchurinal@mail.ru

УВАРОВСКАЯ Туяра Николаевна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», e-mail: tuuyas369@mail.ru

About the authors

Lidiya E. Manchurina – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, <https://orcid.org/0000-0003-3160-9399>, ResearcherID: ABC-3111-2020, SPIN: 1113-7782, manchurinale@mail.ru

Tuyara N. Uvarovskaya – Master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, e-mail: tuuyas369@mail.ru

Вклад авторов

Манчурина Л. Е. – разработка концепции, разработка методологии исследования, создание модели исследования, верификация данных, администрирование данных, редактирование рукописи, руководство исследованием

Уваровская Т. Н. – проведение исследования, ресурсное обеспечение исследования, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Lidiya E. Manchurina – conceptualization, methodology, creation of models, validation, data curation, writing - review & editing, supervision

Tuyara N. Uvarovskaya – investigation, resources, writing - original draft

Конфликт интересов

Манчурина Л. Е. – кандидат филологических наук, является членом редакционного совета журнала «Алтаистика. Altaistics». Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Conflict of interest

Lidiya E. Manchurina – Cand. Sci. (Philology), Chief Researcher is a member of editorial board of Altaistics. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 01.06.2025

Поступила после рецензирования / Revised 22.06.2026

Принята к публикации / Accepted 26.06.2026